

ЯКОВ КАНЯВСКИЙ

ЕСТЬ
ТОЛЬКО
МИГ

КНИГА 11

18+

Есть только миг

Яков Канявский

**Есть только миг. Книга 11.
Женская доля (продолжение)**

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Канявский Я.

Есть только миг. Книга 11. Женская доля (продолжение) /
Я. Канявский — Издательство «Четыре», 2026 — (Есть только
миг)

ISBN 978-5-908165-81-5

Эта серия книг повествует о людях, не зря проживших жизнь. Все они жили в разное время, но каждый из них чего-то добился в своей области: в науке, литературе, искусстве, политике, разведке и других областях. Серия эта является трудом многих сотен людей, писавших о конкретных героях. Автору посчастливилось найти и собрать некоторое количество данного материала. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-81-5

© Канявский Я., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Глава 1. Супруги	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Яков Канявский
Есть только миг. Книга 11.
Женская доля (продолжение)

© Канявский Яков, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

*Мы больше в этот мир вовек не попадём,
вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье —
его не подстеречь уж никогда потом.*

Омар Хайям

Глава 1. Супруги

Мужчина всегда хочет быть первой любовью женщины.

Женщины более чутки в таких вопросах.

Им хотелось бы стать последней любовью мужчины.

Оскар Уайльд

Как известно, за каждым великим мужчиной стоит по-своему великая женщина. И кто знает, как сложилась бы судьба гениальных художников, музыкантов, режиссёров и писателей, если бы рядом с ними не находились неотлучно их любящие, мудрые, самоотверженные и терпеливые жёны.

В Ветхом завете первой женой Адама считается Ева. Однако изначально в еврейской мифологии до Евы у Адама была ещё одна жена по имени Лилит. Следует разбираться, откуда взялась Лилит, почему они развелись с Адамом и как она связана с суккубами из фильмов и компьютерных игр.

В Книге Бытия – первой книге Ветхого завета – есть любопытное противоречие. В первой главе говорится, что Бог создал мужчину и женщину одновременно.

«И сотворил Бог мужчину и женщину по образу Своему».

А затем, уже во второй главе, рассказывается, как Ева была создана из ребра Адама. Значит, логичный вывод, что была и ещё одна женщина в жизни Адама.

Несоответствие вряд ли было случайным – одна идеология сменила другую, а прежний текст остался неотредактированным.

Ведь изначально в иудейской мифологии такая женщина и была. Это Лилит. В Библии она упоминается иносказательно. В Книге Исаии фигурирует некое «ночное существо», которое живёт среди руин. Это и есть Лилит – точнее, та, кем она стала после развода с Адамом.

Подробнее Лилит упоминается в «Алфавите Бен-Сиры», Свитках Мёртвого моря, Книге ЗОАР и ряде других древних источников, включая неканонические евангелия. Из современных религиозных течений Лилит признаётся каббалистической теорией – одним из течений иудаизма.

Это могло бы выглядеть, как простая сказка – вокруг библейских персонажей крайне много спекуляций. Если бы не один факт. Лингвисты считают, что Лилит происходит от шумерского «воздух, дух, призрак». У шумеров Лилит – это дух мужчины или женщины, умершей в юном возрасте.

Шумеры были первой полноценной цивилизацией. Именно они открыли колесо, письменность и стали строить крупные города в современном понимании этого слова. Так что, возможно, мы имеем дело с первым мифом человечества, дошедшим до нас сквозь тысячелетия.

Поэтому следует разобрать эту историю детальнее, ведь она влияла на формирование культуры первых цивилизаций. А значит, сквозь века является одним из кирпичиков в фундаменте культуры всего человечества.

В «Алфавите Бен Сиры» говорится, что ссора Адама и Лилит возникла из-за вопросов равенства. Адам хотел, чтобы Лилит слушалась его. Лилит же настаивала на том, что Бог создал их обоих из земли и поэтому они равны.

У Лилит не сложился брак с Адамом, и она ушла, предложив Богу попробовать создать первому мужчине ещё одну подружку. Так появилась Ева, которой метафорически отвели ту самую послушную роль, о которой грезил Адам.

Но, увидев, что у Адама и Евы всё хорошо, она решила испортить их отношения. Так, образ Лилит в Библии трансформируется в змею. Микеланджело в Сикстинской капелле изобразил именно Лилит – существо с телом женщины и хвостом змеи.

Что стало дальше с Адамом и Евой – мы знаем. А вот Лилит, по легенде, стала ночным призраком, который искушает молодых людей. От их плотской связи могут рождаться полудемоны-полулюди.

От неё пошли так называемые суккубы – демоны-соблазнительницы. В этом образе в Талмуде описывается и сама Лилит – как демон с женским лицом, длинными волосами и крыльями. Сейчас суккубы – популярные персонажи компьютерных игр.

В древнеиудейских традициях было принято списывать на Лилит все женские недуги – бесплодие, болезни беременных и т. д. Ну а в каббалистических учениях Лилит выступает как королева ада, которая правит Преисподней вместе с самим сатаной.

Что ж, гонения на Лилит в патриархальном обществе вполне понятны. О равноправии мужчин и женщин в древние времена и Средние века не было и речи. Но теперь героиню древнего шумерского мифа вполне можно реабилитировать.

Мы же рассмотрим примеры, какими были жёны в более поздние времена.

Сократ считался самым мудрым человеком своего времени. Он имел много почитателей и учеников, правда, плату за обучение брать отказывался. Но великий философ был ещё и подлинным гражданином Афин – а гражданский долг в те древние времена требовал, кроме прочего, жениться и обзавестись потомством.

В один из дней Сократ, будучи уже в почтенном возрасте, по обыкновению прогуливался по афинскому базару. Товары мало интересовали мужчину, потому как деньги у него водились редко. А вот завести умную беседу со знакомыми философ был всегда готов. Большинство людей на базаре он знал в лицо, однако миловидная девушка, громко нахваливающая свои горшки, была ему незнакома.

Сократ решил завести знакомство с торговкой, благо та была наслышана о знаменитом философе. Вступив в диалог с девушкой (как выяснилось, звали её **Ксантиппа**), благородный муж поразился её красноречию, высоко ценившемуся в Афинах. В процессе диалога Сократ настолько восхитился собеседницей, что подхватил даму на руки. Новая знакомая, видимо, была польщена вниманием столь известного мужа в Афинах, но пощёчину собеседник всё же получил. А знакомство тем не менее продолжилось.

Поскольку Сократ был не первой молодости, то и тянуть с женитьбой ему не стоило – ведь обезлюдевшим после Пелопонесской войны Афинам требовалось резко увеличивать население. Ксантиппа тоже не могла долго раздумывать – знакомые просто не поняли бы девушку, отклони она предложение одного из известнейших граждан полиса. Расчёт торговли был вполне понятен – если в учениках у Сократа состояли богатейшие люди города, то и гонорары за уроки должны быть большими. Разница в возрасте у супругов была весьма внушительная – лет сорок!

Однако план молодой жены был жестоко провален. Деньги за уроки Сократ не брал принципиально, что жутко возмущало душу «торгашки». Правда, ученики и почитатели мудрейшего человека нашли выход, они снабжали семью Сократа продуктами, преподнося их в качестве даров. Вот только подобные подношения не очень радовали Ксантиппу, и нередко женщина в гневе топтала полученные пироги.

Ксантиппа и после вступления в брак с Сократом сохранила бойкий, а временами даже остроумный, язык. Однако теперь она использовала своё красноречие для того, чтобы всячески ругать супруга.

Если бы сварливость жены ограничивалась домом, то её ещё как-то можно было терпеть. Но Ксантиппа всячески оскорбляла и позорила мужа в общественных местах. Она не видела в супруге мудрейшего человека Афин, а полагала его глупцом, отказывавшемся от возможности разбогатеть за счёт своих уроков.

Друзья не раз советовали философу поколотить супругу, дабы хоть немного укротить её сварливый нрав. В ответ на это Сократ только смеялся, указывая советчикам, что это будет зрелище, напоминающее петушиный бой. Подобным образом веселить сограждан мудрому человеку совершенно не хотелось.

Несмотря на ругань между супругами, Ксантиппа всё же чем-то нравилась философу, поскольку у них было трое детей. Когда Сократа осудили на смерть, то жена вместе с сыновьями навещала его, причём младшего ребёнка приходилось носить на руках.

Забыв имевшиеся ранее ссоры, Ксантиппа упрашивала супруга воспользоваться помощью друзей и бежать. Однако Сократ, которому уже было около 70 лет, не считал возможным и в таком возрасте изменить своим принципам. Правда, он принял благосклонно слова друзей, что после его смерти Ксантиппа и сыновья ни в чём не будут нуждаться...

Так и вошла Ксантиппа в историю как весьма сварливая супруга, и имя это стало нарицательным. В то же время необходимо заметить, что у Платона не имелось указаний на вздорный характер женщины и её постоянные склоки с мужем. Войти в историю Ксантиппе помогло произведение Ксенофонта «Пир», в котором автор вывел женщину как философский антипод своему мудрому мужу.

После театральной постановки «Пира» в греческих философских школах появились упражнения, целью которых было давать сравнительные характеристики Сократа и Ксантиппы. Ученикам нужно было самостоятельно придумывать диалоги между супругами, причём образ жены становился всё сварливее. Подобные сценки сильно исказили характер жены Сократа, и Ксантиппа вошла в историю в качестве нарицательного образа.

Имя **Марии Волконской** известно всему миру. Княгиня, изнеженная барышня, с детства окружённая толпой служанок, поехала в Сибирь вслед за мужем-декабристом. Считается, что по любви. Считается, что во имя идей. Этот образ знаком нам и по поэме Некрасова «Русские женщины», и по фильму «Звезда пленительного счастья». Но так ли это было на самом деле?

«Девочка с горящими глазами», «смуглянка с чёрными кудрями», как называли её современники, росла в счастье – пятым и любимым ребёнком в семье. Её мать Софья Алексеевна была внучкой великого Ломоносова. Отец, генерал Николай Николаевич Раевский, – легендарный герой Отечества, отличившийся в войне 1812 года. Семья была окружена не просто всенародным признанием, но всеобщим обожанием.

Как и все дети Раевских, Мария получила домашнее образование. Она была отличной пианисткой, обладала прекрасным голосом, пела почти профессионально и особенно любила итальянскую музыку. Знала французский и английский языки «как свои родные».

Сама Мария Николаевна считала, что в юности она вдохновила Пушкина на создание знаменитых строк из первой главы «Евгения Онегина»:

*Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!*

Так ли это и был ли поэт влюблён в юную красавицу, увы, уже навсегда останется тайной. Марии же было суждено стать женой князя Сергея Волконского. Когда 35-летний генерал-майор, герой войны 1812 года посватался к девушке, ей было 18. Это было тяжёлое время для Раевских, находившихся на пороге разорения. «До свадьбы я его почти не знала...» – напи-

шет она потом в дневнике. Брак с самого начала не задался. Мария жаловалась в письмах братьям и сёстрам, что Волконский разговаривает с ней резко, избегает её и «бывает несносен».

Неудивительно, что Волконский вёл себя так. Удивительно, зачем он вообще женился – ведь он был видным деятелем Южного общества декабристов, готовил восстание против самодержавия и вряд ли мог не понимать, на какую судьбу обречена его семья в случае раскрытия заговора. Есть даже легенда, что отец Марии, Николай Раевский, потребовал от будущего зятя подписать бумагу, что он прекратит антигосударственную деятельность, но это, скорее всего, всё же легенда.

Мария практически не знала, чем занимается Сергей. Осенью 1825-го муж оставил её, беременную, и уехал в штаб армии. Потом внезапно приехал в декабре, увёз жену в имение родителей и немедленно уехал. О событиях 14 декабря Мария узнала значительно позже. 2 января она родила сына Николая. Роды были тяжёлыми, она проболела два месяца.

Родные скрыли от неё, что 14 января Сергей был арестован. Но, когда правда всё же открылась, Мария немедленно написала мужу в Петропавловскую крепость. «Я узнала о твоём аресте, милый друг. Я не позволяю себе отчаиваться... Какова бы ни была твоя судьба, я её разделю с тобой, я последую за тобой в Сибирь, на край света, если это понадобится, – не сомневайся в этом ни минуты, мой любимый Серж. Я разделю с тобой и тюрьму, если по приговору ты останешься в ней».

Мария не разделяла убеждений мужа. В письме брату она сетует: «...Не его [мужа] арест меня огорчает, не наказание, которое нас ожидает, но то, что он дал себя увлечь, и кому же? Низким из людей, презираемым его beau-père [тестем], его братьями и его женой...»

Однако она решает, что её долг – последовать за мужем. За человеком, которого она практически не знает, с которым у неё за время совместной жизни не сложилось ни душевной близости, ни взаимопонимания. Сергей тем временем надеялся на то, что жена последует за ним. В записке, которую ему удалось передать своей сестре Софье, Волконский сообщал, что некоторые из жён арестованных уже получили разрешение следовать за своими мужьями: «Выпадет ли мне это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажет мне в этом утешении? Я не сомневаюсь в том, что она с своим добрым сердцем всем мне пожертвует, но я опасаюсь посторонних влияний, и её отдалили от всех вас, чтобы сильнее на неё действовать».

Посторонними влияниями князь называл родных Марии, которые умоляли её не ехать в Сибирь и перехватывали письма от Волконских, склонявших её поехать за мужем. Тем не менее родных она слушалась и покинула младенца-сына. Позже она узнает, что её сын умер без неё в возрасте двух лет. 11 февраля 1827 года Мария Волконская попала наконец на Благодатский рудник, где отбывал каторжные работы её Сергей. Увидев мужа, она упала лицом на его кандалы и поцеловала их. Её поселили в избе вместе с жёнами других декабристов. Она готовила, шила, стирала, работала на огороде, научилась колоть дрова и вбивать гвозди...

Она поддерживала и других узников – обшивала, кормила, хлопотала о послаблениях и для них. Страдальцы звали её Светлой девой Марией. Она плакала, ибо понимала, что её сравнивают с Матерью Христа. Она сразу же начала испрашивать разрешения поселиться вместе с мужем в каземате острога. Её отговаривало начальство, убеждая, что в избе хотя бы можно жить, а в камере нет даже окон. Но Мария отвечала: «Там мой муж!»

И ей разрешили перебраться. Конечно, если взглянуть на зарисовки декабриста Николая Бестужева, сделанные в камере Петровского каземата (в 1830 году узники были переведены на работу на Петровский завод), всё выглядит не столь устрашающе. Никаких окон нет. Зато камера 20 метров, стены обиты присланной из Петербурга материей, есть два дивана, комод, письменная конторка, шкаф с книгами и даже – невероятно! – клавикорды, чудом довезённые Марией из Петербурга. Но не стоит забывать, что Мария была княгиней и жила до этого в совершенно других условиях!

В 1830 году у супругов родилась дочь Софья, которая скончалась в тот же день. В 1832 году Мария родила сына Михаила, а в 1834-м – дочь Елену. В августе 1836 года Волконским разрешили переехать на жительство в село Урик Иркутской губернии. Это было спасением для Сергея. Мария воспрянула духом, купила домик, к весне собиралась обзавестись садом.

Но в Волконском произошла разительная перемена. Вырвавшись из острога, он стал ужасным скрягой, считал каждую копейку, начал экономить на одежде и еде. Мария отдалялась от супруга, одни считают, что из-за того, что она посвящает себя детям, другие уверены, что у неё был роман с декабристом Александром Поджио, приписывали и другие увлечения. Современники писали: «Мария Николаевна была молода и хороша собой, Волконский же уже был без зубов, совершенно опустился и заделался сквалыгой». «Кажется, одно лишь приличие удерживает жену и мужа под одной кровлей», – говорили другие.

Как бы там ни было, имя мужа практически исчезает из писем Марии и упоминается разве что по какому-нибудь незначительному поводу. Однако она продолжала следовать тому, что считала своим долгом. Хлопотала о переселении мужа в Иркутск, вопреки осуждению местных властей вела светскую жизнь и даже завела в Иркутске свой салон.

В 1856 году Волконскому было разрешено поселиться в Москве, где уже жила Мария, помогавшая дочери ухаживать за парализованным зятем. Внук Марии Николаевны так писал о её последних годах: «Она смотрела на чужую жизнь из глубины своего прошлого, на чужую радость – из глубины своих страданий. Это не она смотрела строго, а её страдания смотрели из неё: можно всё забыть, но следов уничтожить нельзя. И я думаю, что это причина, по которой домочадцы, служащие, гувернантки боялись её».

Она умерла, когда ей было всего 57 лет. Через два года умер и 76-летний Сергей Волконский...

Наталья Гончарова получила хорошее домашнее образование, знала французский, английский и немецкий языки, а также историю, литературу и географию.

Известно, что её семья (по крайней мере, мать) не хотела выдавать дочь за Пушкина – во-первых, из-за его нестабильных заработков, во-вторых, из-за политической неблагонадёжности и репутации повесы. Однако, судя по всему, именно Наталья, всерьёз увлечённая поэтом, переубедила родственников. В письме своему дедушке она писала: «Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нём внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета».

Вскоре после свадьбы супруги переехали в Царское село, а затем – в Петербург. Пушкин наслаждался успехом своей жены в свете – а вот она, хоть и ездила с ним на балы и дворянские увеселения, необходимостью бывать в обществе скорее тяготилась. Многие собеседники отмечали её неразговорчивость и сдержанность. Живя с Пушкиным в Царском селе (неподалёку от резиденции императорской семьи), она писала дедушке, что выбирает для прогулок только «самые уединённые места» – поскольку слышала, что жена императора Николая I ищет встречи с ней. О дальнейших событиях мы узнаём из письма матери Пушкина: «...император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем этого не желая, появиться при дворе». Ещё через некоторое время родители Пушкина писали друзьям, что невестка имеет при дворе большой успех – и сетовали, что она проводит на балах слишком много времени.

Тем не менее из различных документов видно, что Наталья Николаевна помогала мужу в делах, переписывала для него некоторые бумаги, исполняла его поручения по журналу «Современник», который он издавал. В 1836 году, когда Пушкин столкнулся с финансовыми трудностями, она тайне от мужа попросила своего брата Дмитрия высылать ей часть доходов с семейного имения: «Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяй-

ственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следственно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна».

В 1832 году у Пушкиных родился первый ребёнок – дочь Мария. Затем в 1833 году появился на свет сын Александр, в 1835 году – сын Григорий, а в 1836 году – дочь Наталья (судя по всему, называть одну из дочерей в честь матери было традицией в семье Гончаровых). В 1835 году произошло знакомство Натальи Николаевны с Жоржем Дантесом. В обществе не остались незамеченными активные ухаживания француза за женой поэта. Стали ходить слухи об их возможном романе. О том, сколько правды было в этих слухах, споры ведутся до сих пор. Вокруг участников этих событий вообще ходило множество сплетен и выдвигалось множество неожиданных гипотез.

Так, исследователь Юрий Лотман предполагал, что Дантес демонстративно оказывал знаки внимания Пушкиной, чтобы скрыть от общества свои гомосексуальные наклонности. Ходил и ещё один слух: что старшая сестра Натальи, Александра, была влюблена в Пушкина, что между ними даже случился короткий роман и что именно это осложнило отношения между Пушкиным и его супругой.

Как бы то ни было, в ноябре 1836 года друзья Пушкина получили анонимные письма с оскорбительными намёками об отношениях между Натальей Николаевной и Дантесом. Будучи уверенным, что рассылка пасквилей – дело рук Дантеса, Пушкин вызвал его на дуэль. Однако благодаря вмешательству родственников и влиятельных знакомых конфликт удалось временно погасить. Дантес же вдруг объявил, что на самом деле всё это время хотел жениться на сестре Натальи Николаевны – Екатерине Гончаровой. Практически сразу было официально объявлено об их помолвке. Свадьбу сыграли в январе 1837 года.

Однако на этом история не закончилась. Публичные знаки внимания и даже приставания к Наталье Николаевне со стороны Дантеса продолжились. Потеряв терпение, Пушкин отправил приёмному отцу Дантеса довольно резкое письмо с упреками в пособничестве интригам и бесчестным действиям сына. Дантес в ответ вызвал Пушкина на дуэль – она состоялась в конце января 1837 года. Пушкин был смертельно ранен.

После гибели Александра Сергеевича Пушкина его 25-летняя жена Наталья Николаевна осталась одна с четырьмя детьми на руках. Наталья Николаевна очень тяжело переживала смерть мужа.

Перед смертью Александр Сергеевич её просил: «Поезжай в деревню. Носи по мне траур два года, а потом выходи замуж, но только за порядочного человека». Она выполнила его просьбу, но замуж вышла не через два года, а через семь лет.

Через две недели после смерти Пушкина Наталья с детьми отправилась к брату Дмитрию, в их фамильное имение Полотняный Завод. Там она вела затворнический образ жизни и почти никого, кроме родственников, не принимала.

Конечно, после столичного блеска, великосветских балов и приёмов эта жизнь казалась ей скучной и однообразной, но приносила внутреннее равновесие:

«Иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве, – признавалась она. – Эти минуты сосредоточенности перед иконой, в самом уединённом уголке дома, приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое раньше часто принимали за холодность и меня в ней упрекали».

Она почти два года носила траур, живя в это время в имении своего брата Дмитрия в Калужской губернии. По решению императора все долги Пушкина после его смерти были погашены, а его вдове и дочерям назначалась пенсия вплоть до их замужества. В конце 1838 года Наталья Николаевна вновь поселилась в Петербурге с детьми и сестрой Александрой, ставшей

к тому моменту фрейлиной императрицы. В столице вдова вела спокойную жизнь, мало появлялась на публике, ходила в гости лишь к родственникам и друзьям семьи.

К ней неоднократно сватались богатые и титулованные женихи, но все они получали отказ: никто из них не был готов принять её четверых детей.

Ей предлагали устроить их в престижные учебные заведения подальше от дома, но она отвечала: *«Кому в тягость мои дети, тот мне не муж»*.

В 1844 году она познакомилась с другом брата – генералом Петром Ланским. Вскоре Наталья Николаевна вышла за него замуж. На тот момент ей было 32 года, ему – 45. Церемония бракосочетания была тихой и скромной, на свадьбу пригласили только близких родственников. Её детей он принял, как своих.

В обществе этот брак вызвал удивление. Барон Модест Корф в своём дневнике писал: «После семи лет вдовства вдова Пушкина выходит за генерала Ланского. Ни у Пушкиной, ни у Ланского нет ничего, и свет дивится этому союзу голода с нуждой». В браке с Ланским Наталья Николаевна родила ещё троих дочерей. После замужества она продолжала вести размеренный образ жизни и редко выходила в свет. В одном из писем мужу она писала: «Втираться в интимные придворные круги – ты знаешь моё к тому отвращение; я боюсь оказаться не на своём месте и подвергнуться какому-нибудь унижению. Я нахожу, что мы должны появляться при дворе только когда получаем на то приказание, в противном случае лучше сидеть спокойно дома».

В этом браке родилось ещё трое дочерей. Кроме своих семерых, Наталья нянчила ещё четырёх детей родственников. «Моё призвание – быть директрисой детского приюта, – пишет она Ланскому. – Бог посылает мне детей со всех сторон...»

В последние годы жизни Наталья Николаевна много болела и по совету врачей большую часть времени проводила на немецкий курортах. Осенью 1863 года она вернулась в Москву, чтобы крестить внука. Там она простудилась и вскоре скончалась в возрасте 51 года.

Современники Льва Толстого подмечали, что гению русской прозы несказанно повезло с женой – неизвестно, кто бы ещё терпел давление такого таланта и характера на протяжении полувека. Сама Софья Андреевна в мемуарах словно просила прощения у потомков, что не стала великому писателю единомышленником и не оправдала ожиданий.

Софья Толстая, в девичестве Берс, – вторая дочь московского врача, потомственного дворянина Андрея Евстафьевича и наследницы купеческого состояния Любови Александровны. Писатель Иван Тургенев приходится Соне и её сёстрам Татьяне и Елизавете братом со стороны отца, у его матери Варвары Петровны Андрей Берс служил семейным доктором.

Девочки получили блестящее домашнее образование, Софья к тому же – диплом Московского университета, дающий право преподавания. С 11 лет вела дневник, это увлечение со временем переросло в полноценную писательскую деятельность.

Почти всё время семья жила в столице, только на лето перебираясь в деревню. В один из дней 1861 года к Берсам наведлся молодой граф Толстой, давно знавший Любовь Александровну. Льва уже прославили рассказы, написанные во время военных действий на Кавказе. Писатель оставил военную службу и подыскивал спутницу жизни, которая соответствовала бы его высоким требованиям – привлекательна, умна, проста и здорова, чтобы родить таких же здоровых детей.

Лев Толстой в свои 34 года, тщательно проанализировав своё настоящее и сделав прогнозы на будущее, решил, что готов жениться. Он и в самом деле был великий аналитик, поэтому жену выбирал очень тщательно.

Большой жизненный опыт подсказывал ему, что для мужчины физически привлекательной может быть любая красивая женщина. И здесь главное – не потерять голову. Нужно хорошо знать семью, в которой выросла будущая жена.

Поскольку мужчина провёл свою первую молодость в вихре светской жизни и хорошо понимал, что это такое, он вычеркнул из списка кандидаток в жёны аристократок и модных светских львиц. Присматривался к семьям не столько знатым и богатым (знатности и богатства у него самого было хоть отбавляй), сколько к дружным и счастливым.

Он никогда не думал, что в семье его друзей за одно лето три девочки превратятся в невест. Но так случилось. Они выросли вдруг, и он посмотрел на очаровательных юных девушек глазами опытного мужчины. Лиза, Соня, Таня. Он выбрал Соню.

Берсы видели в графе претендента на руку Елизаветы. А к Софье к тому времени посватался наследный дворянин Митрофан Поливанов и даже получил предварительное согласие. Однако Толстой впоследствии писал в своих воспоминаниях, что не испытывал чувств к Лизе и не желал жениться только по расчёту. В послании к Софье Лев Николаевич был откровенен: считать, что он влюблён в Елизавету – «ложный взгляд и несправедливость», и тут же попросил выйти за него замуж.

Отец поначалу воспротивился, обидевшись за старшую дочь. Но Софья, уже научившаяся тонко влиять на людей, уговорила Андрея Евстафьевича. Свадьбу сыграли спустя неделю после официального предложения.

Софья Андреевна Берс в 18 лет стала женой Льва Николаевича Толстого. Их брак продлился 48 лет.

Брак с писателем стал поворотным моментом в жизни Софьи Андреевны. Из светских салонов 18-летняя девушка попала в деревню, где на неё свалились неведомые ранее заботы по содержанию большого имения, ведению бухгалтерии и прочие дела. В графском доме на удивление отсутствовала роскошь, а аскетичные привычки мужа Толстую первое время шокировали.

В книге «Моя жизнь» в мельчайших деталях описаны ежедневные заботы молодой графини. Доходило до того, что Софья покупала белые колпаки и фартуки и заставляла поваров их носить. Женщина в какой-то мере разделила с супругом материальную часть совместной жизни, но не соглашалась менять духовные ценности. Запись, датированная 1867 годом, иллюстрирует, какой уклад сформировался в семье графа: *«Жизнь делалась всё более замкнутой, без событий, без участия в жизни общественной, без художеств и без всяких перемен и веселья»*.

Восемнадцатилетняя Соня Берс выходила замуж за человека, которого не просто любила, но бесконечно уважала и просто «отдавала себя в хорошие руки». Она доверяла жизненному опыту мужа и с радостью помогала ему формировать из себя женщину, подругу, хозяйку. Она училась всему: быть желанной в постели, быть незаменимой помощницей в подготовке к изданию сочинений мужа-литератора, быть рачительной хозяйкой Ясной Поляны.

Но главное – быть хорошей матерью его детей. Первого сына она родила в 19 лет, а последнего ребёнка рожала уже в 45. Муж считал, что смысл семьи – дети. Пытаясь соответствовать идеалам Льва Николаевича, Софья безропотно терпела требования истинного домостроевца, создавала уют, стараясь, чтобы всё было по-простому, как любил писатель. Не соглашаться с мужем позволяла себе, когда речь заходила о детях. Толстая родила девять мальчиков и четырёх девочек, пятеро так и не стали взрослыми, одного ребёнка попросту не выносила. Сын Сергей, только когда вырос и прочитал записи матери, готовясь к изданию книги, понял, какая непростая сложилась у Софьи Андреевны биография. Детей Софья растила без нянек и помощников, Лев выступал категорически против гувернёров. Толстая не разделяла устремлений мужа довольствоваться минимумом, зарабатывать физическим трудом, а все ценности раздать нуждающимся. Перед ней стояла задача дать детям образование, обеспечить финансовое благополучие, чтобы достойно выглядеть в глазах окружающих. Лев Николаевич полагал, что излишества развращают, внешняя мишура мешает поиску некоего высшего смысла.

Муж – человек творческий. Поэтому без всякой обиды она относилась к тому, что дети – это её мир. Их болезни, воспитание, обучение, их ссоры и драки, их увлечения и проблемы.

Она, коренная москвичка, с 18 лет жила в деревне и занималась только хозяйством и детьми. Они с мужем свили своё гнездо, и она пестует многочисленных птенцов. Они с мужем – одно целое.

Помимо решения насущных вопросов, графиня находила время помогать писателю в творчестве. Софья Андреевна заменила супругу личного секретаря, переводчика, редактора. Толстая единственная разбирала корявый почерк Льва, переписывала черновики произведений, в которые автор вносил бесконечные правки. Одну только «Войну и мир» переписала в тетрадь 7 раз.

Софья, в другой ситуации блиставшая бы на светских раутах, оказалась отличным управленцем. Там, где не хватало знаний, советовалась с друзьями. Познакомилась с Анной Сниткиной-Достоевской, вдовой Фёдора Михайловича, которая научила Толстую книгоиздательскому делу и продажам сочинений Льва.

Семья растёт. Рождаются малыши, но пора уже и об образовании старших детей думать, и вывозить в свет повзрослевшую дочь.

Но... Биографы Льва Толстого назвали этот период в жизни гения изменением мировоззрения. А домашние понимали это так: «Нищета, мир и согласие; сжечь всё, чему поклонялся; поклониться всему, что сжигал». Это слова из «Идеалов Ясной Поляны» – семейного еженедельного шуточного журнала.

Но это были не шутки. Муж становится всё более замкнутым и раздражительным, всё чаще покупку нового платья для жены или дочери комментирует рассуждением: а сколько бы дней на эти деньги жила крестьянская семья. Он теперь считает, что частная собственность – большой грех и несчастье. Он отстраняется от ведения всех дел. Предлагает отдать Ясную Поляну крестьянам.

«А наши дети?» – спрашивает жена. – «*Будут жить скромно*», – ответ отца.

С годами постоянные разногласия отдалили мужа и жену друг от друга. Лев Николаевич открыто выражал неудовлетворённость тем, как сложилась жизнь. Софья Андреевна справедливо обижалась, ведь её труды не получали ожидаемой оценки. Она говорила, что не понимает, когда именно настал тот момент, разделивший супругов, и в чём он выразался.

Между «идеальным» миром Толстого и «реальным» миром его жены просто не мог не разразиться конфликт – и так и произошло в 1880 годах, когда писателем овладела идея «опрощения».

Любя мужа преданно и верно, Софья Андреевна должна была сделать выбор: муж или дети. Она выбрала детей.

В поисках душевного равновесия Толстая стала брать уроки музыки у пианиста и композитора Сергея Танеева. Музыкант приводил измученную женщину в «чудесное состояние, то был праздник жизни». Эти отношения Софья сама определяла, как любовь. Когда Танеев уезжал, графиня прятала тоску, по собственному признанию, за лихорадочной деятельностью. Сестра Татьяна, дети Илья, Александра и Мария упрекали мать за излишнюю привязанность к чужому человеку. Временами у графини появлялась надежда, что из музыкальных уроков вырастет нечто большее.

Лев Николаевич тоже заметил перемену в жене, в дневниках, не называя имён, писал, что не спит ночами, переживает, но «жалеет не себя, а её». Впоследствии Танеев, сославшись на занятость, прекратил эту двусмысленную связь.

Лев Николаевич отстранился от всех материальных, хозяйственных и семейных дел. Но всё-таки он был рядом с женой и детьми.

За эти годы он создал новое религиозно-нравственное учение, обрёл тысячи последователей и учеников, но поссорился с правительством, церковью, сыновьями и женой.

Само собой разумеется, что конфликты с правительством и церковью были публичны. Но публичным стал и семейный конфликт супругов Толстых. Постарались друзья и ученики Льва Николаевича.

Софья Андреевна сражалась яростно за честь и благосостояние семьи, а Лев Николаевич демонстрировал «непротивление злу насилием». Зато у него были умные и энергичные заступники – почитатели его нового учения. В их среде «неугомонная», «корыстная», «бездушная», «скандальная» жена стала притчей во языцех.

Самые последние годы супружеской жизни этой некогда счастливой пары были очень тяжелы. «Уйти, жить одному», – всё чаще пишет Лев Николаевич в дневнике. И он ушёл.

Он ушёл от неё и умер в чужом доме через несколько дней. А она осталась. Осталась с воспоминаниями о хорошем и плохом, с мыслями, что весь мир видит в ней, жене, причину его страданий и смерти.

Уход Льва Толстого из жизни вызвал в Софье желание немедленно к нему присоединиться. Несмотря ни на что, графиня испытывала «невыносимую тоску и угрызения совести» по отношению к мужу. Каждый день женщина посещала могилу любимого человека и меняла там цветы.

Через несколько дней после кончины мужа она писала в дневнике:

«Невыносимая тоска, угрызения совести, слабость, жалость до страданий к покойному мужу... Жить не могу».

Но прошло несколько лет и в мемуарах «Моя жизнь» вдова пишет:

«Он ждал от меня, бедный, милый муж мой, того духовного единения, которое было почти невозможно при моей материальной жизни и заботах, от которых уйти было невозможно и некуда. Я не сумела бы разделить его духовную жизнь на словах, а провести её в жизнь, сломить её, волоча за собой целую большую семью, было немыслимо, да и непосильно».

Софья Андреевна пережила мужа на 9 лет. И эти годы жена Льва Толстого посвятила сохранению творческого наследия писателя – издала собрание сочинений, письма, которые супруги писали друг другу, собрала личные вещи, впоследствии ставшие частью музейной коллекции. В усадьбе Толстая стала первым экскурсоводом.

Умерла Софья Толстая в ноябре 1919 года, вероятнее всего, по естественным причинам. Похоронена в 2 км от Ясной Поляны, на кладбище села Кочаки, рядом с церковью Николая Чудотворца. В этом некрополе находятся могилы деда, родителей и брата Льва Николаевича, сестры Софьи – Татьяны.

Вот слова, которые написала для нас Софья Андреевна:

«Пусть люди снисходительно отнесутся к той, которой, может быть, непосильно было с юных лет нести на слабых плечах высокое назначение – быть женой гения и великого человека».

Анастасия Арапова – дочь русского генерал-майора Николая Устиновича Арапова и его жены Веры Александровны Казаковой родилась 28 декабря 1871 года. Её отец умер в 1884 году, мать – в 1890 году. После смерти родителей вместе с младшей сестрой Софьей стала обладательницей внушительного состояния. До замужества жила в доме своей тётки – Марии Александровны Звегинцовой. Двоюродный брат сестёр Араповых, Александр Звегинцов, служил в одном полку с Маннергеймом и был его другом.

Карл Густав Эмиль Маннергейм родился в 1867 году в Финляндии, входившей тогда в состав Российской империи, в 13 лет остался сиротой.

У отца – графа и предпринимателя разорился его бумажный бизнес, и он сбежал с любовницей в Париж. Там он стал вести богемный образ жизни, нисколько не заботясь о жене с семьей детьми. Такого удара мать Густава не смогла выдержать и вскоре умерла.

Вопреки воле Густава, родственники определили его в кадетское училище, откуда он был вскоре исключён за постоянное несоблюдение дисциплины.

Успешнее он был в Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге, которое он окончил с отличием в 1889 году. Маннергейм был высокий, стройный, обладал благородной осанкой, уверенной манерой держаться и красивыми чертами лица. Служа кавалергардом при императоре Николае II, он выделялся на фоне других, шествуя на торжественных церемониях. Светский Санкт-Петербург предъявлял особые требования к молодому человеку. Почти каждый вечер надо было сопровождать дам на балах, приёмах, где он вскружил головы многим красавицам. А ещё скачки, карточные игры... Для такой жизни нужны были деньги и очень даже приличные деньги. А долги всё росли и росли.

И тут судьба подарила ему карт-бланш. Густав познакомился с Анастасией Араповой, которая после смерти отца – генерала полиции, а немного позже и матери стала наследницей огромного состояния, примерно в 800 000 рублей.

Анастасия была достаточно образованной, но некрасивой, капризной и взбалмошной девушкой, но на всё это Густав закрыл глаза. С такой женой он мог воплотить многие свои мечты и, главное, расплатиться с долгами.

Вскоре после свадьбы в 1892 году Маннергеймы купили усадьбу Априкен (сейчас Априки) в Латвии, которая с 17-го века принадлежала баронам Остен-Сакенам, затем Корфу.

Точнее, усадьбу Априкен купила Анастасия Арапова. Она записала усадьбу на имя Густава, чтобы все доходы с хозяйства шли прямым ходом в его карман. По сути, это было первое в жизни бедного кавалергарда собственное недвижимое имущество. Для честолюбия Густава это было очень важно – его дом, его земля, его хозяйство, которое он хотел сделать богатейшим и процветающим. Здесь он собирался воплотить свою самую заветную мечту – построить конезавод, пусть и небольшой.

В латвийском семейном гнёздышке всё начиналось радужно. Густав энергично принялся за развитие хозяйства, чтобы оно приносило ему как можно больше денег. Он закупил коров и овец, стал разводить карпов в пруду.

Усадьба Априкен в те годы была одной из богатейших в тех краях и поражала как размерами, так и убранством господского дома, монументальностью хозяйственных построек. Двухэтажный дом с башней напоминал музей, так много там было художественной мебели, старинных гравюр, фамильных портретов мастерского письма.

Роскошная обстановка, громадные, залитые светом залы и гостиные, живописный вид из окон – здесь давались изысканные обеды для гостей из Петербурга и родственников Карла из Финляндии.

Служил там целый штат прислуги – лакеи, горничные, посудомойки и... армия конюхов.

Но несмотря на эту «армию», дела не шли. Неурожаи, болезни скота и ещё множество хозяйственных проблем, которые Маннергейм не мог решить, преследовали его. Молоко, пока его довозили до покупателя, скисало, не спас положение и заводик по переработке молока, последней каплей стали «уснувшие вечным сном» карпы в пруду. А ведь он рассчитывал на хорошую прибыль. В то время в Европе карпы пользовались большим спросом.

Тем временем Ната (так в семье называли Анастасию) закатывала мужу страшные истерики, она его жутко ревновала. И поводы на самом деле были, Густав открыто изменял супруге с балериной Тамарой Карсавиной, графиней Елизаветой Шуваловой и ещё многими блистательными питерскими дамами.

Брак не смогли спасти и две дочки, родившиеся в 1893 и 1895 годах. Между этими годами, в 1894-м, при родах умер сын Густава и Анастасии. Потеряв надежду на появление

наследника в законной семье (ходили слухи, что через несколько лет у него родился сын от балерины Екатерины Гельцер), разочаровавшись в сельской жизни и потерпев такую позорную неудачу, Густав Маннергейм забросил своё латвийское поместье. Его ждали военные подвиги и большие исторические свершения...

14 мая 1896 года состоялась коронация Николая II и Александры Фёдоровны. По обеим сторонам царского трона в белых мундирах и лосинах, в высоких ботфортах, с обнажёнными палашами стояли два шлемоносных красавца-кавалергарда. Одним из них был поручик – барон Маннергейм...

Во время коронации барон сумел отличиться неожиданным образом. Согласно протоколу, царь должен был входить в храм без оружия. Поэтому император отстёгивал саблю и передавал её одному из кавалергардов. И в этот момент Николай II задел цепочку, на которой висел орден Андрея Первозванного, и она оборвалась. Орден упал бы, не подхвати его Густав. Падение такой награды на землю в глазах суеверных подданных могло бы стать зловещим предзнаменованием. Позднее Николай II отметил эту расторопность Маннергейма специальным подарком – своей фотографией с дарственной подписью.

14 сентября 1897 года Высочайшим указом Густав Маннергейм был переведён в Придворную конюшенную часть, оставаясь в списках Кавалергардского полка, с окладом в 300 рублей и двумя казёнными квартирами: в столице и в Царском Селе.

В семье его видели редко. Карл уезжал в длительные командировки по конным заводам – комплектация конюшни лошадьми была его основной задачей.

Бывали и специальные задания – как уже признанный знаток лошадей, он подбирал самых лучших для эскизов и картин Валентина Серова.

Во время одной из командировок при осмотре лошадей трёхлетняя кобыла раздробила Густаву коленную чашечку. Он уже никогда не оправится от этой травмы, будет хромать и испытывать постоянную боль.

А семейная жизнь трещит по швам. С графиней Елизаветой Шуваловой, которую все называли Бетси, он едет на курорт лечить колено. Об этом судачит весь Петербург, но ещё большее для Анастасии, когда соперница даёт в Петербурге потрясающие воображение костюмированные балы. Вместе с художником Леоном Бакстом она придумала бал цветных париков. Бакст поставил условие светским львицам: их парики должны были быть обязательно выдержаны в одном тоне с цветом платья. Во время котильона среди гостей раздавали роскошные цветы – розы, сирень, лилии, для этого из Ниццы выписали вагон цветов.

Не даёт покоя Нате и роскошный дворец Шуваловой на Фонтанке, 21 (сейчас там музей Фаберже). Зависть и ревность её убивают. В конце концов доведённая до отчаяния баронесса Маннергейм, оставив двух дочерей на попечение родственников, записалась на курсы медицинских сестёр и в начале сентября 1901 года в составе санитарного поезда поехала на Дальний Восток, затем в Китай, где попала в кровопролитную мясорубку «восстания боксёров».

Беспощадные отряды китайских повстанцев, которых называли «боксёрами» или «ихэтуани», восстали против хищнического вмешательства иностранцев в политику, религию и экономику их страны. Россия вместе с союзными странами участвовала в подавлении восстания.

В госпиталях потоками шли раненные, Анастасии уже некогда было думать ни о муже, ни о детях, а балы остались в далёком прошлом. В настоящем были бинты, вата, кровь, страдания раненых и похороны тысяч зверски убитых.

Китайцы не обращали внимание на международные законы и обстреливали поезда и госпитали «Красного креста», в любой момент баронесса Маннергейм могла быть убита. Но она вернулась в Россию в полном духовном и физическом истощении, с повреждённой ногой и... медалью «За поход в Китай».

Этот поступок жены и пережитые ею страшные испытания потрясли барона Маннергейма, семейная жизнь на какое-то время наладилась, но Густав вскоре снова принялся за ста-

рое. В конце концов Ната решила отомстить и нанести самый болезненный удар – лишить супруга денег от имения, тайно от него она переписала Априкен на себя и переехала во Францию с дочками навсегда.

Маннергейму пришлось рассчитывать только на жалованье, других средств к существованию больше не было. Конечно, была подруга – богатая графиня, уже вдовствующая Бетси Шувалова. Она предлагала вступить в официальный брак, но Густав боялся, что развод повредит его карьере и навлечёт недовольство царствующих особ.

Проблему разрешила русско-японская война, там Маннергейм получил первый боевой опыт. А потом было секретное задание от Генерального штаба русской армии: под видом путешествия и сбора этнографических сведений в научных целях ему предстояло совершить переход от Самарканда до Пекина по труднодоступным и малоизученным районам Центральной Азии, Китая, Монголии и Тибета. Этот маршрут, по которому ещё никогда не проходили европейцы, пролегал практически вдоль российской границы.

Маннергейм занимался сбором статистических данных о населении, численности, о составе вооружённых формирований, политической обстановке. За два года он одолел почти 14 000 км верхом на лошади, провёл фотосъёмки военных объектов, горных дорог, перевалов, фортификационных построек, инженерных сооружений – мостов, источников воды и прочих важных объектов.

Долгие годы супруги друг с другом не встречались, как живёт и как воюет её муж, Анастасия узнавала из газет. Ненавистная разлучница Елизавета Шувалова после революции тоже обосновалась в Париже, успев вовремя перевести свои капиталы в английский банк. Бетси продолжала блистать и в Париже, собирая на свои балы русских эмигрантов.

Эмигрантская пресса в Париже часто писала о похождениях и подвигах главнокомандующего уже независимой Финляндии Густава Маннергейма. Его дочери выросли, но замуж так и не вышли, старшая Анастасия ушла в монахини, младшая София стала помогать отцу и занималась сбором средств для организации пропаганды вдоль линии фронта, в том числе закупала радиоаппараты и громкоговорители...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.